

ОБЗОР

методологического семинара по теме: «Ведущие правовые доктрины современного российского правоведения», проведенного в Поволжском институте (филиале) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), 19.01.2023, Саратов

REVIEW

of the methodological seminar entitled «Leading Legal Doctrines of the Current Russian Jurisprudence», conducted in Volga Institute (the branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA (Russian Law Academy) of the Ministry of Justice of Russia), 01/19/2023, Saratov

Докладчиком выступил Главный научный сотрудник Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ В. М. Сырых.

Владимир Михайлович Сырых

Главный научный сотрудник кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия (РГУП), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

Vladimir Mikhajlovich Syrykh

Senior Researcher of the department of Law, State and Judicature Theories, Russian State University of Justice, Doctor of Law, Honored Scientist of the RF

Ведущие правовые доктрины современного правоведения

Leading Legal Doctrines in Modern Jurisprudence

Российская правовая наука за период тридцатилетнего развития в условиях рыночных отношений претерпела заметные изменения в составе правовых доктрин, претендующих на лидерство в системе современных знаний о государстве и праве. Если в 90-х гг. прошлого столетия ведущие направления научных исследований по предмету правовой науки были представлены позитивистской доктриной права, философией права и социологией права, то в настоящее время в группе лидеров сохранилась лишь позитивистская доктрина, а спор за лидерство с ней ведут посмодернистская и материалистическая теории права.

Социология права утратила свое лидирующее значение в связи с отсутствием к ней большого интереса со стороны российских правоведов, предпочитающих догматический анализ действующего законодательства социально-правовым исследованиям действия права в непосредственной действительности. Философия права, удовлетворив свои претензии на фундаментальные проблемы правовой науки, не стала претендовать на догматический анализ источников права, традиционно осуществляемых теорией права с сугубо позитивистских позиций.

В свою очередь, теория права, освободившись от опеки философии, а еще раньше от марксистской теории права, упрочила свое лидирующее положение по отношению к отраслевым юридическим наукам. Современные российские теоретики, будучи стойкими адептами позитивистской доктрины, по-прежнему признают законодательство единственным источником права, выражающего волю государства, господствующего класса или волю народа. Подобное видение права сохраняет неизменными иные заблуждения данной доктрины, в том числе признание способности права регулировать общественные отношения, тождественности права и закона, принципа неукоснительного исполнения субъектами

права нормативных установлений, фактически утративших действие, и, соответственно, обязанности граждан и иных лиц следовать подобным установлением до их отмены компетентным законотворческим органом.

Сохранив верность традиционным канонам столетней давности, российские позитивисты вошли в противоречие с Конституцией РФ, созданной под флагом западноевропейского либерализма, не мыслящего Россию без Конституционного суда, принципа разделения властей, судебного нормоконтроля за правотворческой деятельностью органов исполнительной власти и неременного развития принципов и институтов правового государства.

Попытки примирить устои позитивистской доктрины с положениями новой Конституции РФ предприняли такие ведущие правоведы, как С. С. Алексеев, М. И. Байтин, О. Л. Лейст, при этом с разных теоретических позиций. С. С. Алексеев попытался придать теории права сакральный характер сообразно философии права И. Канта [1]. М. И. Байтин адаптировал принципы правового государства под принципы позитивизма [2], а О. Л. Лейст полагал необходимым избрать «нелегкий путь формирования юридического мышления, опирающегося на отношения гражданского общества и стабильного права». Но подобное развитие теории права, по мнению автора, оказывается преждевременным, сейчас для этого нет «ни гражданского общества, ни правовых традиций, ни достаточно широкой потребности в юридическом мышлении» [3, с. 279].

Итак, разными путями, но авторы пришли к единому мнению: никаких оснований, как минимум, в ближайшее время для революционного пересмотра позитивистской доктрины не имеется. Между тем прогрессивные изменения российской правовой системы, осуществленные в 90-х гг. прошлого столетия по инициативе законодателя, свидетельствуют об обратном.

Согласно современным конституционным конструкциям воля законодателя оказывается заметно ограниченной. Ему запрещается принимать нормативные установления, противоречащие Конституции РФ. Правотворческие органы обязуются принимать нормативные правовые акты в пределах их компетенции и в строгом соответствии с законами. Одновременно создан действенный судебный нормоконтроль за неукоснительным следованием законодательными и правотворческими органами требованиям конституционных принципов и норм, а граждане наделены правом на обжалование в суд законов и иных нормативных правовых актов, нарушающих их права и свободы, закрепленные Конституцией РФ и федеральными законами.

Еще одной мерой, заметно ограничивающей волю законодателя, является широко используемая современными государствами практика наделения органов местного самоуправления, а также органов управления организаций, учреждений правом установления для субъектов правоотношения более высоких стандартов их прав и свобод по сравнению со стандартами, закрепленными законодательством.

Однако ценные революционные преобразования сферы законотворчества и правового регулирования, закрепленные Конституцией РФ, пока что не получили в теории права полной и всесторонней оценки, не повлекли вытекающих из них преобразований позитивистской доктрины.

Сугубо критический подход к позитивистской доктрине права в настоящее время проявляет постмодернистская теория права, первые публикации сторонников которой появились в российской юридической литературе лишь в начале нынешнего столетия. В целом, как свидетельствуют публикации, посвященные основам формирования постмодернистской доктрины российского права, наши правоведы позитивно относятся к названной доктрине и находят в ней многообещающие средства решения проблем правовой науки и юридической практики, которые не способна решить позитивистская теория права. Более того, в ряде публикаций с постмодернизмом напрямую связывается успешная разработка актуальных теоретико-правовых проблем современности.

Один из ведущих адептов постмодернистской теории права И. Л. Честнов полагает, что выход из мировоззренческого и методологического кризиса, в котором оказалась и теория права, и вся юридическая наука в современном мире, состоит «не в отказе от "фундаментальной науки" — теории права, а в ее переориентации в постклассическую теорию права, в постклассическую юриспруденцию» [4, с. 172].

Подобные воззрения разделяет Ю. В. Ерохина. По ее мнению, консерватизм российской государственной власти не сможет удержать правовую сферу от влияния постмодернистского видения права. Более того, как полагает автор, воздействие постмодерна на право давно уже перешло границы исторической рефлексии и действительно нуждается в юридическом осмыслении с помощью синергетического метода [5].

Оптимистичные надежды на постмодернизм возлагает один из ветеранов российского правоведения В. В. Лазарев. С постмодернизмом правового мышления он связывает преодоление такой застарелой болезни российской позитивистской доктрины, как широкое использование в правовых исследованиях формально-догматического метода мышления. В условиях постмодернистского мышления право будет признано «открытой, динамичной, постоянно обновляемой системой, а ее понятия — постоянно трансформирующимися, наполняемыми новым содержанием». Далее, по мнению автора, необходимо обеспечить проведение в жизнь идеи децентрализованного (ризомного) права взамен иерархического. В итоге право будет представлено в виде разветвленной, многомерной сети — ризомы, состоящей из множества случайно и локально развивающихся элементов. В конечном итоге это приведет «к децентрации сознания законодателей и правоприменителей, освободив их от установок, заданных интересами господствующих социальных слоев и групп» [6].

Идеологи доктрины настаивают на пересмотре «традиционных, казалось бы, незыблемых положений о праве, обществе, о субъекте права, о представительной и непосредственной формах демократии, о роли юридической теории, о правопонимании» [7, с. 4]. В целом можно выделить три воистину революционных направления, которые адепты постмодернистской доктрины права тщатся провести в жизнь, чтобы лишить позитивистскую доктрину права ее лидирующего в российском правоведении положения.

Во-первых, российские новаторы и адепты постмодернистской теории права подвергают критике все действующие институты позитивного права по тем мотивам, что они закрепляют волю властвующей элиты и никакого действительного права не представляют. Постмодернисты предрекают скорую смерть «субъекта права». По их мнению, у человека отсутствует индивидуальная целостность, нет выбора, свободной воли, невозможны такие вещи, как «согласие» или «намерение» [8]. Правовая наука и практика должны перенести акцент с догматического изучения права на изучение «живого» действующего права, процессы его реализации в конкретных отношениях.

«Действие (а значит, и бытие) права, — отмечает И. Л. Честнов, — это поведение и ментальные (психические) активности людей, взаимодополняющие и взаимообуславливающие друг друга как идеальное (психическое) значение и персональный смысл дополняет практическое действие и его результат. Соотнесение своего представления, выраженного в ожидании, с нормой права — обезличенным (обобщенным и социально значимым) другим (его образом), воплощаемым персональным человеком и типизированной ситуацией — и реализация его (представления — ожидания) в юридически значимом поведении и есть бытие права» [7, с. 18].

Во-вторых, существенное расширение предмета правовой науки, по сравнению с его позитивистской трактовкой необходимо влечет за собой качественное реформирование метода правовых исследований. По логике, догматический анализ должен уступить лидирующее положение методам социально-правовых исследований, специализирующихся на изучении реально

сущей действительности. Однако представители постмодернизма в правовой науке имеют на этот счет собственную логику. Они делают упор... на лингвистическом анализе юридических текстов, как нормативных, так и правоприменительных актов, а также на методах дискурса и диалога.

В-третьих, ключевые коррективы в понимании сущности права, аспектах и методах его изучения повлекут за собой значительные изменения понятийного аппарата правовой науки. «В качестве объектов своих нападок постмодернизм избирает единство, целостность, объективную реальность, однородность, духовно-нравственные традиции общества, право в собственном смысле слова. Постмодернизм характеризуется с помощью терминов «фрагментарность», «дифференциация», «неоднородность», «индивидуализм», «инновация», «динамизм», «революция» (культурная, сексуальная, экономическая, политическая и др.), «оригинальность», «нигилизм», «утилитаризм», «виртуальность», «деконструкция» и т. п. В то же время постмодернизм — это технология воспроизводимости многоликих дихотомичных стереотипов бытия: правовая культура - правовой нигилизм, ценности — антиценности, добро — зло и т. д. [5]

Обращает на себя внимание одна деталь: российские адепты постмодернистской доктрины явно не спешат дать образцы ее творческого применения в правовой науке. Они пока что довольствуются интерпретациями западноевропейских философов названных вопросов, охотно рассказывают, что нужно делать в познании правовых явлений, какие революционные выводы могут быть получены по результатам исследований. Но не находится охотников создания посмодернистской теории права с предметным описанием ее хотя бы основных институтов.

На первый взгляд, пионерским трудом, решительно переводящим общие положения постмодернистской философии на уровень конкретных проблем теории права могла бы стать монография Т. Я. Хабриевой и Н. Н. Черногора «Будущее права. Наследие академика В. С. Степина и юридическая наука» [9], но уввы. В монографии предпринимается попытка показать ценность доктрины постмодернистской философии, разработанной академиком РАН В. С. Степиным, для российской правовой науки в решении ее фундаментальных и прикладных задач. При этом свой творческий потенциал авторы ограничили самыми элементарными результатами — подчеркиванием важности концептуальных философских схем, открывающих новые перспективы разработки более совершенных методик предвидения будущего состояния права и государства.

Имеются достаточные основания полагать, что ожидаемых изменений в правовой науке под воздействием воинствующего постмодернизма не произойдет. В пользу данного предположения свидетельствуют два основания: 1) постмодернистская доктрина, отрицающая значение истины в научном познании, является околонучным знанием; 2) диалектику правового развития невозможно выявить и объяснить методами, культивируемыми постмодернистами. Модернизм является пустоцветом на живом древе юридического познания и в самое ближайшее время засохнет на корню, как это уже было не раз в истории правовой науки с отдельными модными, но не состоятельными в научном отношении теориями и методами научного познания.

В связи с отрицанием постмодернизмом любых закономерностей реального мира категория истины в этой доктрине утрачивает свое научное и вообще какое-либо значение, изгоняется и из науки, и из практики. Формирование понятийного аппарата адепты данной доктрины планируют осуществлять конвенциональным методом, посредством соглашения авторитетной группы специалистов. Но в каком порядке будет осуществляться процесс подобного формирования понятийного аппарата, постмодернисты пока что не определились.

В пылу революционного реформирования российские постмодернисты рубят сук, на котором они сидят. Мыслители забыли об одной малости — о том, что категория истины является основополагающим критерием научного знания.

Недостоверные знания не лишаются статуса формы сознания, это может быть художественная литература, идеология, фантазия, обыденное сознание, но к науке подобные знания никакого отношения не имеют. Научные знания могут быть только истинными, достоверными. Подобный принцип — не просто принцип науки, но и необходимое условие ее практической ценности. Любая наука имеет значение постольку, поскольку она формирует обоснованные знания и дает практике конкретные данные о том, как следует поступать в том или ином случае, чтобы удовлетворить потребности в том или ином материальном или духовном благе.

Все сложные материальные объекты, созданные руками человека, оказались реально возможными лишь потому, что за основу деятельности были взяты научно обоснованные, достоверные знания. Постмодернизм, написавший на своем здании «долой истину», тем самым исключил себя из системы научного знания. Соответственно, адепты данного направления в правовой науке могут предлагать любые конструкции, но все они, лишённые истины, никакого отношения к подлинной науке не имеют; борьба между позитивистами и постмодернистами идет в двух разных мирах: реально существующем и потусторонним: иллюзорном, фантазийном, созданным постмодернистами по своему усмотрению.

Постмодернистская теория права не способна достоверно обосновать выявленные ею негативные факты в сфере правового регулирования, поскольку цели познания сводит к эмпирическому уяснению единичных фактов, при этом признает плюрализм мнений и право каждого на собственное видение реально существующей действительности. В результате, «на место определенного толкования права, центра правовой системы, иерархии сегментов права приходят различие, дифференциация, бесконечный диалог интерпретаторов права по поверхностным вопросам» [5].

Отрицание постмодернистской доктриной стадии теоретического познания противоречит действительному ходу исторического развития социальных наук, суть которого состояла в последовательном прогрессивном движении от непосредственного созерцания к абстрактному познанию на уровне единичных «тощих» абстракций и последовательному их синтезу на уровне понятий и категорий, раскрывающих сущность правовых явлений и их закономерную связь между собой. Именно на уровне теоретического анализа правовой науки были обоснованы ведущие институты современного общества, закрепившие всеобщие права и свободы в качестве стандартов, гарантирующих всем и каждому доступ к благам цивилизации, хотя и на минимальном уровне, а также право на личную неприкосновенность и неприкосновенность частной жизни. Величайшей заслугой правовой науки предстают разработанные ею порядок и основания применения юридической ответственности.

Следовательно, первостепенная задача современного правоведения состоит в дальнейшем развитии демократических основ общества и формировании правовых институтов, способных гарантировать и развивать общество и государства по пути социального прогресса и дальнейшего развития прав и свобод личности с учетом современных особенностей реально существующего бытия.

В этих условиях предложения постмодернистов вернуть современное общество на пять-шесть тысяч лет назад, расчленив его на отдельные автономные образования и утратив высокий производственный потенциал ныне действующих производительных сил, выглядят не более, чем неумной шуткой эпатажирующих философов и юристов, оторванных от реальной действительности. Общество, расчлененное на мельчайшие производственные коллективы, имеющие свою власть и свои нормы, не сможет обеспечить действие современного архисложного социального механизма производства, распределения, обмена и потребления материальных и духовных благ. В результате негативные последствия окажутся непредсказуемыми, но, вполне очевидно, что массовидные лишения, утери и страдания народных масс будут в разы

превышать нынешние, порожденные несовершенством отдельных аспектов организации и деятельности современного социума.

Наибольшими возможностями в раскрытии закономерностей функционирования и развития права и определении эффективных путей прогрессивного развития права как меры, юридически значимой для индивидов и иных субъектов права, обладает материалистическая теория права, основы которой были заложены классиками марксизма. В условиях Советского государства данная теория признавалась единственной научной, но она была опошлена и низведена советскими правоведами до уровня ординарной позитивистской теории права. Советско-российские правоведы по настоящее время свято верят в то, что марксистское видение сути права сводится к воле господствующего класса, возведенной в закон, несмотря на многие критические оценки К. Маркса и Ф. Энгельса позитивистской доктрины права, содержащиеся в их работах.

В частности, К. Маркс прямо признавал, «что во все времена государи вынуждены были подчиняться экономическим условиям и никогда не могли предписывать им законы. Как политическое, так и гражданское законодательство всего только выражает, протоколирует требования экономических отношений» [10, с. 112]. Положения буржуазных юридических идеологов о том, что «закон основывается на воле, и притом, на оторванной на своей реальной основы, свободной воле» классики марксизма признавали иллюзией. Очевидный факт закрепления государством политической воли в законе в форме общеобязательных установлений, в свою очередь, приводит к подмене права законом [11, с. 63].

Тем не менее советско-российские правоведы по настоящее время упорно приписывают марксизму кондовый юридический позитивизм. И, что самое интересное, никто из сторонников подобного нелепого воззрения относительно марксизма как разновидности позитивизма не предпринял попытки критики его действительных представлений о праве.

Основоположники марксизма не дали собственной дефиниции права, но обоснованно показали, что право представляет собой форму взаимосвязи субъектов экономических отношений в виде их прав и обязанностей, обусловленных содержанием соответствующих экономических отношений. На примере исторически первого экономического отношения обмена К. Маркс раскрыл принципы права, которые не утратили своего значения по настоящее время. Это всеобщие правовые принципы равенства, свободы воли, эквивалентности, взаимозависимости и общеобязательности.

Система принципов современных экономических и публичных общественных отношений наиболее полно систематизирована во Всеобщей декларации прав человека и других источниках международного права. Названные принципы в своей системной совокупности образуют объективное право, которое, подобно всякой закономерности, существует в виде возможности и составляет объективную основу материалистической теории права [12; 13]. Механизм перевода объективного права из возможности в действительность, в систему фактических отношений составляет предмет и содержание материалистической теории права.

Материалистическая теория права конечную цель воплощения объективного права видит в создании системы фактических отношений, в полной мере соответствующих своей объективной основе. Только при этом условии государство обеспечивает в обществе стабильный правопорядок, соответствующий правовым закономерностям, принципам объективного права. Но чтобы подобные результаты стали реальностью, объективное право должно предварительно пройти три стадии, последовательно воплотиться в трех равноценных формах права: позитивном, индивидуальном и конкретном.

Согласно материалистической теории права, как уже говорилось, закон, установленный государством, не выступает и не может выступать регулятором общественных отношений. Наоборот, общественные отношения, вкуче с правовой культурой населения предстают объективными ограничителями

позитивного права. Последнее существует в этом статусе в той мере, в какой оно соответствует объективному праву и уровню правовой культуры общества, его членов. Как показывает история Советского государства, позитивные нормы права, принятые в интересах народа, особенно в первые годы советской власти, оказывались бездействующими из-за неумения населения пользоваться ими. Вследствие объективных и субъективных причин законодатель может являть – и нередко являет – личный субъективизм, принимает нормы, не соответствующие объективному праву. Подобные нормы представляют собой законодательный произвол, превращенную форму права, подлежащую незамедлительному выведению из состава норм действующего и действительного права.

Общее, абстрактное право само по себе не способно превратиться в конкретное право. Эту функцию призвано выполнять индивидуальное право личности, которое позитивистской доктрине права неведомо. В данной теории индивид действует в статусе старика из известной сказки А. С. Пушкина «О рыбаке и рыбке», является лишь посыльным в пользу своей старухи, сам же он для себя ничего не обретает. Материалистическая теория права восстанавливает гегелевское понимание статуса индивида как субъекта, обеспечивающего соединение общего интереса с особенным, и регулятора конкретных отношений. Именно индивид обладает собственным видением понимания действительного права и в статусе частного лица либо правоприменителя определяет пути и способы воплощения позитивного и собственного права в конкретных отношениях. В то же время индивид может избрать иной, неправовой путь реализации своих интересов, совершать правонарушения и даже преступления.

Соглашение и договор выступают третьей необходимой формой, которую принимает объективное право в процессе перехода в действительность. Конкретное право призвано воплотить в себе объективное право и перевести его на уровень предписаний индивидуального договора или правоприменительного акта таким образом, чтобы индивидуальные предписания соответствовали интересам субъектов конкретного отношения, принципам объективного права и, по возможности действительным нормам позитивного права.

Индивиды, вынужденные в условиях недостаточности, постоянного дефицита материальных средств изыскивать пути минимизации расходов, связанных с удовлетворением потребностей, совершенно иначе представляют себе проблему законности. Они готовы покорно следовать за законом до тех пор, пока не найдут новые, более рациональные пути правового, не связанного с правонарушениями удовлетворения своих потребностей. Коль скоро такие пути чаще всего находятся в русле объективного права, которое наилучшим образом соответствует современному, развившемуся содержанию экономических отношений, индивиды невольно оказываются наиболее стойкими ревнителями и выразителями объективного права, нежели государство.

Конкретное право, как и всякий новый, более высокий этап в развитии явления, представляет собой отрицание предшествующих ему стадий позитивного и индивидуального права. При этом конкретное право не просто удерживает позитивные моменты предшествующего, а развивает, дополняет их применительно к своей сущности и функциям, которые оно выполняет на завершающем этапе перехода объективного права в действительность.

Как показывает практика, индивиды и юридические лица в общем и целом оправдывают возложенные на них надежды даже с лихвой. Они оказываются более разумными, чем этого требует государство и традиционный принцип законности. Участники конкретных правоотношений отказываются использовать устаревшие, малоэффективные нормы позитивного права, создающие дополнительные и неоправданные препятствия на пути реализации их субъективных прав. Находясь в условиях дефицита материальных средств, индивиды чаще всего малоэффективным и неэкономичным нормам

позитивного права предпочитают обычаи, иные социальные нормы или самостоятельно создают новые оригинальные нормы права.

Конкретное право, таким образом, оказывается эффективным средством, позволяющим отличать действительные нормы позитивного права от их превращенной формы. Законодательные и иные правотворческие ошибки в виде принятия малоэффективных норм права, не соответствующих целям и содержанию общественных отношений, или, наоборот, сохранения устаревших норм упорно игнорируются индивидами и юридическими лицами, подменяются создаваемыми ими более совершенными социальными нормами.

Объективное право в форме конкретного договорного права, воплощенное в фактических отношениях, достигает своей цели, становится компонентом, частью практики. Только на долю фактических правоотношений выпадает высокая миссия воплотить объективное право в действительность, сделать его частью предметно-практической деятельности и — самое главное — придать практике разумное, закономерное, рациональное начало. Ни одна система действующего законодательства не способна гарантировать подобных результатов, поскольку в той или иной части противоречит объективному праву и представляет собой его превращенную форму.

Общество может самым добросовестным образом исполнять превращенную форму права, возведенную в закон, как это имело место в условиях дореволюционной России, но от этого ни индивиды, ни общество, ни само государство не развиваются, в лучшем случае маршируют на одном месте. Общественный прогресс способен гарантировать лишь действия, основанные на творческом применении всеми или большей частью членов общества правовых норм, соответствующих объективному праву.

Формирование и разработка научно обоснованного законодательства, в свою очередь, требуют дальнейшего развития материалистической теории права, единственной из ныне существующих правовых концепций, способной дать системное описание механизма перевода закономерностей права в реально существующие и эффективно действующие правовые формы.

Таким образом, материалистическая теория права правомерно претендует на роль единственной правовой доктрины, способной дать полный, системный анализ механизма правового регулирования, содержание которого составляет перевод объективного права из возможности в действительность, в систему фактических конкретных отношений. В числе основных принципиальных отличий материалистической теории права от позитивистской, постмодернистской, социологической и иных современных теорий права можно выделить:

- во-первых, наличие объективного права позволяет определить закономерную связь позитивного, индивидуального и конкретного права как форм, обеспечивающих перевод принципов объективного права в действительность. Принципы объективного права позволяют также решить невозможную для других доктрин проблему выделения действительного права из предписаний, закрепляющих законодательный произвол;

- во-вторых, лишение позитивного права (законодательства) ведущей основополагающей функции регулятора общественных отношений, которой оно искусственно наделялось вследствие одностороннего подхода основоположников позитивистской доктрины к проблемам действия права и непонимания ими диалектики взаимосвязи между различными формами права;

- в-третьих, раскрытие диалектики взаимодействия форм права сообразно принципу отрицания отрицания. Без выявления и обоснования этой связи правовая наука обречена на юридический позитивизм либо иную эмпирическую доктрину права, деформирующие эту связь различными измышлениями. Материалистическая теория права пока что остается единственной доктриной, способной раскрыть диалектическую взаимосвязь форм права как компонентов механизма перехода объективного права в действительность;

– в-четвертых, ведущим принципом материалистической методологии выступает принцип конкретно-исторического подхода, требующий рассматривать механизм перехода объективного права в действительность с учетом конкретно-исторических условий его формирования и функционирования. Соответственно, исследование любого национального права не может ограничиваться формально-догматическим анализом присущих ему источников права, как это ныне имеет место в позитивистской доктрине. Познание внутринациональной правовой системы должно быть ориентировано на непереносимое изучение ее обусловленности уровнем экономической, политической и культурной сфер общества. Правовая наука должна в конце концов ликвидировать самый позорный пробел позитивистской доктрины – незнание процессов воздействия права на социальную среду, равно как и социальной среды на право;

– в-пятых, конечный результат научных исследований материалистическая теория права видит в раскрытии своего предмета – совокупности закономерностей функционирования и развития современного права. Ориентир на теоретический уровень познания выделяет названную теорию из всей совокупности современных правовых доктрин, ограничивающих познание права эмпирическим уровнем. Соответственно, методологический арсенал материалистической теории права существенно отличается от метода других правовых доктрин тем, что содержит максимально широкий круг методов научного познания, способных обеспечить достоверное знание предмета правовой науки во всей его полноте и всесторонности.

Названные и ряд иных преимуществ материалистической теории права перед другими правовыми доктринами свидетельствуют об обоснованности ее претензий на роль ведущей правовой доктрины, позволяющей впервые в истории правовой науки раскрыть диалектические процессы развития и функционирования права.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев С. С. Право. Опыт комплексного исследования. М. : Статут, 1999.
2. Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов : Изд-во СГАП, 2001.
3. Лейст О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М. : Зерцало-М, 2002.
4. Честнов И. Л. Методология юриспруденции // История и методология юридической науки. СПб., 2014.
5. Ерохина Ю. В. Правовой модернизм в России: особенности проявления. URL : <https://wiselawyer.ru/poleznoe/72405-pravovoj-postmodernizm-rossii-osobennosti-proyavleniya>.
6. Лазарев В. В. Толкование права: классика, модерн и постмодерн // Журнал российского права. 2016. № 8. С. 15–28.
7. Честнов И. Л. Правопонимание в эпоху постмодерна. СПб. : СПБИВЭСЭП, 2002.
8. Моисеев С. В. Постмодернизм и право. Философия права. URL : <https://fil.wikireading.ru/53162>.
9. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Будущее права. Наследие академика В. С. Степина и юридическая наука. М. : Инфра-М, 2022.
10. Маркс К. Ницета философии // Сочинения. Т. 4. М. : Политиздат, 1955.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Сочинения. Т. 3. М. : Политиздат, 1955.
12. Сырых В. М. Материалистическая теория права. М. : РАП, 2011.
13. Сырых В. М. Основы материалистической теории права. Т. 1 : Объективное право и формы его выражения. М. : Юстицинформ, 2022.

References

1. Alekseev S. S. Pravo. Opyt kompleksnogo issledovaniya. [Comprehensive research experience] M.: Statut,, 1999.
2. Bajtin M. I. Sushchnost' prava (Sovremennoe normativnoe pravoponimanie na grani dvuh vekov). [Essence of law (Modern normative legal understanding on the verge of two centuries)] Saratov : SGAP [Saratov State Law Academy] Publishing house, 2001.
3. Lejst O. E. Sushchnost' prava. Problemy teorii i filosofii prava. [Essence of law. Problems of theory and philosophy of law] M. : Zercalo-M Publishing house, 2002.
4. CHestnov I. L. Metodologiya yurisprudencii // Istoriya i metodologiya yuridicheskoy nauki. [Methodology of jurisprudence // History and methodology of legal science] St. Petersburg, 2014.
5. Erohina YU. V. Pravovoj modernizm v Rossii: osobennosti proyavleniya. [Legal modernism in Russia: manifestation features] URL : <https://wiselawyer.ru/poleznoe/72405-pravovoj-postmodernizm-rossii-osobennosti-proyavleniya>.
6. Lazarev V. V. Tolkovanie prava: klassika, modern i postmodern // ZHurnal rossijskogo prava. [Interpretation of law: classic, modern and postmodern // Journal of Russian law] 2016. No. 8. Pp. 15–28.
7. CHestnov I. L. Pravoponimanie v epohu postmoderna. [Legal understanding in the postmodern era] St. Petersburg. : SpbIVESEP Publishing house, 2002.
8. Moiseev S. V. Postmodernizm i pravo. Filosofiya prava. [Postmodernism and law. Philosophy of law] URL : <https://fil.wikireading.ru/53162>.
9. Habrieva T. YA., CHernogor N. N. Budushchee prava. Nasledie akademika V. S. Stepina i yuridicheskaya nauka. [The future of law. Legacy of academician V.S. Stepin and legal science] M. : Infra-M Publishing house, 2022.
10. Marks K. Nishcheta filosofii // Sochineniya. [Poverty of Philosophy // Works] Vol. 4. M. : Politizdat Publishing house, 1955.
11. Marks K., Engel's F. Nemeckaya ideologiya // Sochineniya. [German ideology // Works] Vol. 3. M. : Politizdat Publishing house, 1955.
12. Syryh V. M. Materialisticheskaya teoriya prava. [Materialistic theory of law] M. : RAP, 2011.
13. Syryh V. M. Osnovy materialisticheskoy teorii prava. T. 1. Ob»ektivnoe pravo i formy ego vyrazheniya. [Fundamentals of the materialistic theory of law. T. 1 : Objective law and forms of its expression] M. : Yusticinform Publishing house, 2022.

Выступления

Speeches

Владимир Юрьевич Панченко

И. о. заведующего кафедрой теории, истории государства и права, общеобразовательных дисциплин ВГУЮ (РПА Минюста России), главный научный сотрудник Московского университета им. А. С. Грибоедова, НИИ ФСИН России и Сибирского федерального университета, доктор юридических наук

Vladimir Yur'evich Panchenko

Acting Head of the department of State and Law Theory and History and General Education Disciplines, the All-Russian State University of Justice (RLA (Russian Law Academy) of the Ministry of Justice of Russia); Senior Researcher of A.S. Griboedov Moscow State University, the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia and Siberian Federal University, Doctor of Legal sciences